

ПО УСМОТРЕНИЮ ИСКУССТВА
Данте в переводе В. Ф. Эрн и Вяч. Иванова

Владимир Кейдан

*Посвящаю эту публикацию светлой памяти
Димитрия Вячеславовича Иванова*

“...Любовь к Италии – показатель высоты просвещения. По тому, как любят Италию и что в ней любят, можно судить о характере эпохи... Медитерранизация культуры повышает значение ее для нас. Чем среднеземнее, тем древнее; чем древнее, тем самобытнее и духовно жизнестойче. Италия должна рассматриваться нами как сестра Византии и Эллады. Мы ее внучатые племянники”¹ – писал в черновике неоконченной статьи Вячеслав Иванов, для которого в течение всей его жизни Данте и Петрарка, наряду с античными поэтами были “вождями в разум истины”.² По словам близких он часто цитировал терцину из “Божественной комедии”:

О вы, разумные, взгляните сами,
И всякий наставленья да поймет,
Сокрытое под странными стихами! (Ад, 9, 61)³

Он писал о поэзии как о платоновском “правом безумии”, как о пути в область *анагогического* в толковании Данте. Если Ориген Александрийский (III в.) различал три смысловых уровня текста: *телесный* (букваль-

¹ РО РГБ ф. 109. Вяч. Иванов. 5.32, л.1. Ранее в несколько иной редакции этот отрывок из незаконченной статьи Вяч. Иванова опубликован в: А. Шишкин. Вячеслав Иванов и Италия //Archivio italo-russo. Русско-итальянский архив. A cura di Daniela Rizzi e Andrei Shishkin. Trento, Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, 1997, p. 503.

² Вяч. Иванов. Собрание сочинений, Т. I-IV. Брюссель 1971- 1987. I, с. 223. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте с указанием страницы в скобках.

³ Данте Алигьери. Новая жизнь. Божественная комедия. Москва 1967, с. 112. Перевод М. Лозинского.

ный, историко-грамматический), *душевный* (моральный) и *духовный* (аллегорический), то, согласно комментарию С. С. Аверинцева, Данте вслед за схоластами зрелого средневековья раздваивает третий оригеновский смысл, разведя *аллегория* и *анагогию* (возведение души ввысь) и, таким образом, превращая триаду в четверицу.⁴ В. Л. Рабинович⁵ обращает внимание на данный факт, ссылаясь на средневековое латинское стихотворение, приведенное в комментарии 9 Голенищева-Кутузова к строфам 3-9 из “Пира”, II, 1:

Буквальный смысл учит о произошедшем;
О том, во что веруешь, учит аллегория;
Мораль наставляет, как следует поступать;
Твои стремления открывает анагогия.⁶

И. Н. Голенищев-Кутузов отмечает общую неоплатоническую направленность творчества Данте, которая “нередко преодолевает аристотелевские построения... Уже в “Пире” в философскую систему Данте врывается неоплатоническое учение Дионисия Ареопагита об ангельских иерархиях. И Дантова психология, и его учение о свете отмечены печатью влияния неоплатонических идей...”.⁷ В трактате “Пир” Данте развивает целое учение о символе. Это известное место (“Пир”, II, 1, 2 – 12), особо значимое для теоретика русского символизма.⁸ Он был инициа-

⁴ С. С. Аверинцев, Символ // Краткая Литературная Энциклопедия. Москва 1971. Т. 6, стб. 827.

⁵ В. Л. Рабинович. Алхимия как феномен средневековой культуры. М. 1979.

⁶ Данте Алигьери. Малые произведения. Издание подготовил И. Н. Голенищев-Кутузов. Наука, Москва 1968, с. 528-529.

⁷ Там же, с. 532.

⁸ В соответствии с этим своим учением во II-IV трактатах “Пира” Данте подвергает такому четырехмысленному толкованию три свои философские канцоны. Всего же, по плану Данте, его “Пир” должен был состоять из 15 трактатов, в которых комментировались бы 14 канцон. “Пир” философски базируется не только на Аристотеле, что было весьма естественно и неизбежно в те времена, но буквально весь пронизан платоническими и неоплатоническими учениями, по преимуществу в их ареопагитском оформлении. Данте говорит о “субстанциях, отделенных от материи, т. е. Интеллектах; в просторечии же люди называют их Ангелами” (II IV 2) (там же, 140). Здесь он прямо спорит с Аристотелем, отрицавшим существование чистых субстанций, отдельных от материи, и ссылается на “превосходнейшего мужа Платона”, который утверждал (II IV 4), что “подобно тому, как небесные Интеллекты являются творцами этих небес, каждый из них сотворил свое небо, так же точно Интеллекты эти порождают и другие вещи и прототипы,

тором многих “дантовских проектов”, лишь части из которых было суждено осуществиться.⁹

По свидетельству И. Н. Голенищева-Кутузова со слов Вяч. Иванова в начале XX века возник замысел совместного перевода всей “Божественной комедии” Данте В. Брюсовым (Ад) и Вяч. Ивановым (Чистилище и Рай). Однако проект не был осуществлен.¹⁰

В десятые годы, живя с семьей в Риме, Вяч. Иванов работает над переводом “Новой жизни” (III, 22). Сюда приезжает 28 апреля 1911 г. с женой и дочерью его единомышленник и любимый собеседник Владимир Эрн. Они познакомились с Ивановым и его семейными на вилле Жава в Женеве в 1904 г., куда был приглашен молодой философ. По возвращении в 1905 г. Ивановых в Петербург открываются регулярные ивановские “среды на башне”, где сразу же появляется и Эрн. Вот как вспоминает В. Пяст первое появление Эрна на башне:

Вместе с покойным ныне [...] философом В. Ф. Эрном я был первым гостем на первой “среде”, начавшей 2-го или 3-го сентября 1905 года серию “исторических сред” Вячеслава Иванова на его башне... Помню, меня поразило, что с Эрном, совсем молодым человеком, Вячеслав Иванов был на “ты”. Чувствовалось: несмотря на разницу в возрасте, в области философии Эрн Вячеславу, если не “набольший”, то, по крайней мере, ровесник. Разговор лился двумя струями. Вячеслав раздвоялся: с Эрном был философ, со мной – поэт. Кажется, гостей больше никого не было.¹¹

Теперь аспирант Московского Университета, в течение двух лет дол-

каждый из них творя свой вид. Платон называет их “идеями”, иначе говоря, всеобщими формами или универсальными началами”. Лосев А. Общая характеристика эстетики Возрождения // Эстетика Возрождения. Москва 1978, с. 16.

⁹ Список неопубликованных переводов из Данте, сделанных в первой трети XX века, можно найти в статье Ло Гатто (E. Lo Gatto, *Sulla fortuna di Dante in Russia*, in *Saggi sulla cultura russa*, Roma 1925, pp. 167-168), где он упоминает незаконченный перевод “Рая” В. Эрна, что по всей вероятности следует считать ошибкой, так как в обширной, по большей части опубликованной в сборнике “Взыскующие града” переписке В. Эрна ни разу не упоминается работа над переводом дантовского “Рая”. Речь идет, конечно же, о незаконченном совместном с Вяч. Ивановым переводе “Convivio”. Там же у Ло Гатто упомянут буквальный комментированный перевод “Божественной комедии”, который сделала итальянистка Пиллер, перевод “Рая” В. Б. Шкловского, полный перевод “Комедии” М. М. Рындина и В. А. Пяста.

¹⁰ Валерий Брюсов. Литературное наследство 85. М. 1976, с. 679, прим. 1.

¹¹ Вл. Пяст. Встречи. Москва, НЛЮ, 1997, с. 46-47.

жен работать в римских библиотеках, изучая итальянскую философию, в особенности труды Розмини и Джоберти, а в свободные часы вместе с Ивановым они бродят по Вечному городу, погружаясь в его тайны. Их сплотила пылкая, мистическая любовь к Риму и Италии, ставшей для обоих второй духовной родиной. В письмах к оставшемуся в России другу Эрн признается в мистическом притяжении Италии и влюбленности в эту страну, которая, как ему открылось, имеет особое духовное значение для русских как вторая, духовная родина.¹²

Впечатления от этих экскурсий, размышлений и бесед вылились в серию очерков В. Эрнэ “Письма о христианском Риме”, опубликованных священником Павлом Флоренским в редактируемом им журнале “Богословский вестник”.¹³ Тогда же в беседах в римской квартире с В. Ф. Эрном, ставшим до конца жизни ближайшим другом Иванова,¹⁴ возникает замысел совместного перевода незаконченных автором четырех трактатов *Convivio*, ранее практически неизвестных русскоязычному читателю. Вскоре Иванов и Эрн получают заказ на перевод *Convivio* от издательства “М. и С. Сабашниковы”, выпускающего серию книг “Памятники мировой литературы”, для которой Иванов уже подготовил ряд переводов античных авторов и работает над переводом *Vita nuova*. Иванов берет на себя стихотворный перевод трех канцон, с которых начинаются II, III и IV трактаты, а Эрну достается перевод прозаических частей трактатов, содержащих философские комментарии к канционам. В совместном переводе

¹² РГАЛИ ф.142, ед. хр. 198, письма Эрнэ.

¹³ Переиздано: Владимир Эрн. Письма о христианском Риме. Подготовка текста и комментарии В. И. Кейдана // Наше наследие 1989.

¹⁴ В одном из многочисленных посмертных стихотворений, посвященных рано ушедшему другу Вяч. Иванов пишет: “Владимир Эрн. Франциска сын, – аминь! / Ты не вотще прошел в моей судьбине. / Друг, был твой взор такою далью синь, / Свет внутренний мерцал в прозрачной глине / Так явствен, что ужасом святынь, / Чей редко луч сквозит в земной долине, / Я трепетал в близи твоей не раз / И слезы лил внезапные из глаз” (III, 536). Вот как характеризовал сам Иванов их дружбу: “Кстати, о Владимире Соловьеве. Вот вы говорите, что он на меня влиял. Это верно, но больше, чем Владимир Соловьев, на меня влиял Владимир Эрн” (“Беседы”, с. 309; цит по: Лидия Иванова. Воспоминания. Книга об отце, с. 427). А вот свидетельство близкого друга Вяч. Иванова: “Вячеслав Иванович, посмеиваясь говорил: “Владимир Францевич – совесть моя” и – ох! Уживался он со своей совестью неплохо, умея, когда хотел, заморозить ее”. Цит. по: Взыскующие Града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии В. И. Кейдана. Москва 1997, с. 515.

друзья видели путь к сближению и необходимому взаимному дополнению католической и православной духовных традиций, дабы каждый христианин на Западе и на Востоке мог дышать не одним, а “двумя легкими”, как позже выразит эту цель во фразе, ставшей крылатой, Вяч. Иванов.

Подобно Иванову Эрн в книге “Борьба за Логос”¹⁵ считал классическую античность и средневековые историческими периодами, когда художник находился в единстве с окружающей средой. Чтобы вернуть это потерянное единство, необходимо восстановить гармонию между культурой и церковью, которая была явлена в Средние века. Данте и Петрарка представлялись обоим мыслителям идеально гармоничными образцами на этом пути.

Этим вероятно объясняется и выбор Эрном двух философов-онтологов Антонио Розмини-Сербати (1797-1855) и Винченцо Джоберти (1801-1852) в качестве центральных фигур итальянской философии Нового времени. Оба расценивали Данте как крупного философа-платоника. В статье, вошедшей составной частью в его докторскую диссертацию, Эрн цитирует Джоберти, который приводит как свой девиз замечательные по универсализму слова Данте: “Надлежит философу подняться к тем небесным Афинам, где стоики, и перипатетики, и эпикурейцы по художеству вечной истины в согласии единой воли состязуются”.¹⁶

В письме к жене от 11 мая 1914 г. Эрн пишет: “Спасибо Вячеславу; он меня сватает с Сабашниковыми (“Памятники мировой литературы”). Они мне намереваются дать в перевод *Convivio* Данте”.¹⁷ В следующем письме от 17. 05. 1914 из Москвы в Тифлис Эрн сообщает: “Завтра еду в Посад на защиту диссертации Павлуши”¹⁸ ...Диссертацию мою набрали и сверстали всю. Теперь дней через пять она выйдет в свет.¹⁹ Заседание факультета будет всего лишь 31 мая, и, значит, раньше 1 июня я никак

¹⁵ Владимир Эрн. *Борьба за Логос*. Москва, Путь, 1911.

¹⁶ Эрн. В. Ф. Основная мысль второй философии Джоберти // Эрн. Сочинения. Составление, подготовка текста Н. В. Котрелева и Е. В. Антоновой, вступительная статья Ю. Шеррер, примечания В. И. Кейдана и Е. В. Антоновой. М. 1991, с. 445.

¹⁷ Цит. по: Котрелев Н. В. Материалы к истории серии “Памятники мировой литературы” издательства М. и С. Сабашниковых // Книга в системе международных культурных связей. Сб научных трудов. Москва 1990, с. 149, прим. 44.

¹⁸ 19 мая 1914 г. состоялась защита диссертации о. Павла Флоренского на степень магистра богословия на тему “О духовной истине” (изд. в 1912), легшей в основу книги “Столп и утверждение истины”.

¹⁹ Речь идет о магистерской диссертации В. Эрна, опубликованной под названием В. Ф. Эрн. Розмини и его теория знания. Москва, Путь, 1914.

не могу выехать... Я в экстазе от мысли переводить *Convivio*. Вячеслав вчера начал переводить первую канцону мастерски и удивительно, и мы с ним вполне разобрались во всех ее тонкостях...".²⁰

Лето 1914 года Эрн проводит в санатории в Анапе, маленьком городке на кавказском побережье Черного моря, откуда пишет Ивановым полушутливое письмо на "домашнем языке" жителей ивановского дома:²¹

Дорогой Вячеслав, дорогие Китамуры и Китамурчики. Прежде всего низко, низко Вам всем кланяюсь и от души всех приветствую. Затем желаю всем здоровья, во всех делах благополучия и сообщаю Вам, что Анапа – прескверный городишко с очаровательным морем, очень способствующим размышлениям об Афродите Урании, переводу "Пиршества" и писанию "Писем об имяславии".²² Словом – как раз то, что нужно для моих "почек" и для моей грешной души. Кроме того сообщаю, что выслал вчера заказной бандеролью *Convito* и те 25 р[ублей], кои с великой заботливостью сунул мне в боковой карман некий великий муж, когда я уезжал из дома, с столь беспредельным гостеприимством ютившего меня в дни моих странствований по Москве. Нужно ли говорить, что сердце мое преисполнено самой глубокой благодарности e che nel libro della memoria mia siano scritti con lettere d'oro tutti i dettagli del mio soavissimo soggiorno nell'Arcadia dell'amistà, imperocché voi tutti quanti Gattamori e Gattamoretti siete proprio principe, principesse e principessine dell'amorosa amistà²³...

²⁰ Ранее опубликовано в книге: Взыскующие Града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках, с. 577.

²¹ ОР РГБ ф. 109.40.1, л. 11. Ранее опубликовано с сокращениями в книге: Pamela Davidson. *Ivanovs translations of Dante* // Oxford Slavonic Papers, New Series. Vol. XV. 1982, p. 117.

²² Помимо работы над переводом *Convivio* В. Эрн обдумывал полемическую статью, вышедшую впоследствии под названием "Разбор послания Святейшего Синода об имени Божиим", М. 1917, где он выступает в защиту гонимых афонских монахов-имяславцев.

²³ Перевод с итальянского: "...и что в книге моей памяти золотыми буквами вписаны все детали моего сладчайшего пребывания в дружеской Аркадии, ибо все вы Котолюбящие и Котолюбимчики являетесь принцами, принцессами и принцессочками любовного согласия". Слова Gattamori e Gattamoretti Памела Дэвидсон интерпретирует как пародийную контаминацию слов *gatto* + *amore*, что должно вызывать юмористическую аллюзию на "Can Grande", Великого Пса, Bartolomeo della Scala, знаменитого властителя Вероны, который оказал нежное гостеприимство и заботу изгнаннику-Данте, что подтверждается предполагаемым посвящением ему "Рая". Этот комментарий можно дополнить, если вспомнить о существовавшем в доме Ивановых шутилом культе котов, изображение одного из которых кисти художника С. Иванова до сих пор украшает римскую квартиру-му-

Крепко целую Вас. Христос с Вами.
Сердечно преданный и любящий Вас В. Эрн
Или иначе, скандинавский орлёнок²⁴

Работу прерывает начавшаяся 1 августа 1914 г. война. Эрн возвращается в Москву и с первых же дней бросается в публицистику, выступает на патриотических митингах с докладами о религиозном смысле войны и задачах России, издает серию статей под рубрикой “Война и культура” со скандально знаменитым антигерманским памфлетом “От Канта к Круп-пу”, где напрямую выводит германский милитаризм из философии Канта.²⁵

О приблизительной дате окончания перевода первых двух трактатов *Convivio* можно судить по письму Эрна к жене от 15. 03. 1915 из Москвы в Тифлис:

...Теперь время самое горячее, нужно не упускать ни одного дня. Тогда летом я смогу иметь спокойную работу (Данта кончу и о Джоберти²⁶ писать буду).²⁷

И хотя Эрн с зимы 1914 до последнего дня своей жизни проводит рядом с Ивановым в его московской квартире, куда вскоре переезжает из Тифлиса и его жена с дочерью, совместная работа над переводом *Convivio* так больше и не возобновляется.

Рукопись эрновского перевода первых двух трактатов объемом 96 страниц, включающая текст первой канцоны в переводе Иванова, переписанный рукой Эрна (с. 43-45) после смерти Эрна была передана М. Сабашникову, который хранил ее в личном архиве до конца жизни. Об этом он пишет в своих воспоминаниях:

В 1934 году все маленькие кооперативные издательства... были неожиданно влиты – одни в Государственное издательство, другие – в издательство “Советский писатель”.

зей Вяч. Иванова.

²⁴ Фамилия Эрн шведского происхождения, в переводе на русский значит *орёл*.

²⁵ Анализ меняющегося в зависимости от времени и исторических обстоятельств мировоззрения Эрна содержится в работе Ютты Шеррер “Славянофильство или германофобия” // Вопросы философии 1990. №4.

²⁶ Докторская диссертация, опубликованная под названием В. Ф. Эрн. Философия Джоберти. Москва, Путь, 1916, осталась не защищенной из-за смерти автора.

²⁷ Ранее опубликовано в книге: Взыскующие Града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках, с. 625.

Прекращение деятельности нашего издательства (сначала М. и С. Сабашниковых, потом “Севера”) на полном ходу оборвало работу по целому ряду начатых подготовкой, а то и самим производством книг... Большее число из возвращенных авторам рукописей остались неизданными. Итак, мы вернули: [...] Вяч. Иванову его перевод “Орестей” Эсхила [...]. Не были возвращены и остались у меня на руках рукописи: [...] Данте. “Пир”.²⁸

Оставшаяся часть архива неизданных рукописей, включая незаконченный перевод “Пиршества” Данте, была передана Ниной Михайловной Артюховой, дочерью М. Сабашникова в Отдел Рукописей ГБЛ (ныне РГБ).²⁹

Иванов успел перевести две из трех канцон, которые были опубликованы лишь в последней четверти XX века. Первая канцона, открывающая Второй трактат, впервые опубликована Памелой Дэвидсон по эрновской рукописной копии, хранящейся в ОР РГБ, в журнале “Oxford Slavonic Papers” v. 15 (1982), а впоследствии в книге P. Davidson, *The poetic imagination of Vyacheslav Ivanov. A Russian Symbolist perception of Dante*. Cambridge 1990. Во вступительной статье дан подробный и глубокий анализ перевода и оригинала. Перевод второй канцоны, открывающей Третий трактат, хранился в Римском архиве Вяч. Иванова и был опубликован А. Б. Шишкиным в журнале “Новое литературное обозрение” (1994, № 10, составитель Н. В. Котрелев, с. 13-14), целиком посвященном публикациям архивных материалов из ивановского наследия и статьям исследователей творчества поэта и мыслителя.

Настоящая публикация включает все 96 страниц рукописи Эрна. Включая архивную регистрационную карточку издательства Сабашниковых с указанием имен переводчиков.

Состояние рукописи хорошее. В тексте имеется множество конъектур в основном поддающихся прочтению; к наиболее важным из них с точки зрения истолкования творческого процесса и выработки общего стиля текста сделаны сноски.

Редактура в основном сводилась к архаизации текста путем замены некоторых наиболее частотных служебных слов русского языка начала XX века на их церковно-славянские эквиваленты и их парадигматические формы: это – *сие*, этот – *сей*, эта – *сия*, эти – *сии*, поэтому – *посему*, так как – *по силе того, как*; потому что – *ибо*, чтобы – *дабы*, который – *кой*,

²⁸ Записки Михаила Васильевича Сабашникова. Под общей редакцией А. Л. Паниной. Москва, Изд-во имени Сабашниковых, 1995, с. 514-515.

²⁹ ОР РГБ, ф. 261.10, ед. хр. 10

которая – *коя*, которое – *кое*. Подобная редактура по-видимому должна была стилистически приблизить прозаический перевод трактатов к архаическому переводу канцон.

В русском дантоведении из-за отсутствия до 1968 года полного перевода *Convivio* его анализу до недавнего времени уделялось очень мало внимания. Согласно Библиографии переводов Данте на русский язык, составленной В. Т. Данченко,³⁰ до 1967 года в русском переводе были опубликованы лишь девять кратких фрагментов *Convivio*. Пять раз был переведен и опубликован фрагмент Трактата I, III. 3-5 и по одному разу фрагменты Трактата I, II, 15-17; I, V, 8-10; II, 1-5; II, XII, 1-8.

В 1967-68 гг. осуществлено издание первого полного собрания сочинений Данте под редакцией И. Н. Голенищева-Кутузова. Сам он перевел “Новую жизнь” и канцоны “Пира”, прозаическую часть трактата перевел А. Г. Габричевский.³¹

Литературовед В. М. Фриче, хронологически первый на русском языке высказавший (хотя и с узко марксистской позиции) суждение о “Пире”, заметил, что, если в “Божественной комедии” Данте выступает апологетом дворянского класса и рыцарской культуры, то в этом незаконченном трактате он более прогрессивен, ибо довольствуется данными земной науки и не стремится познать трансцендентную истину: “По своим социальным взглядам Данте в этот период скорее всего демократ”.³²

По мнению Голенищева-Кутузова Данте оставил далеко позади неуклюжие опыты XIII века. Еще в пору написания “Новой жизни” у него возникла мысль о необходимости учиться у авторов античности (см. XXV). Ее не забыл автор “Пира”, предпринявший свой труд с полной верой в то, что *вольгаре* способен выразить самые сложные понятия и идеи. Но для этого необходим был разработанный синтаксис. Данте жадно учился всюду, где только мог, и прежде всего у Цицерона. В “Пире” мы обнаружим не только лексические, но и синтаксические латинизмы; так к примеру, он смело ввел в итальянские фразы конъюнктив, который не без колебания употребляли грамотеи XIII века, а также инфинитив с аккузативом. [...]. В “Пире” латынь и народный язык были окончательно разграничены, и Данте объявил во всеуслышание, что не латыни, а воль-

³⁰ Данченко В. Т. Данте Алигьери. Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке, 1762-1972. Москва 1973.

³¹ Данте Алигьери. Малые произведения (“Пир”, с. 112-269).

³² Фриче В. Данте Алигьери // Творчество 1921. №4-6, с. 36 (цит. по В. Т. Данченко, Данте в русской культуре).

гаре принадлежит будущее”.³³

В новейшей монографии, посвященной итальянской лингвистической мысли, имеется обширная глава, где всестороннему анализу подвергаются лингвистические взгляды Данте, изложенные в его ранних трактатах *Convivio* и *De vulgari eloquentia*. Среди многих глубоких наблюдений и выводов можно привести следующий: “Из трех преимуществ латыни: достоинства, красоты и благородства, Данте в конце трактата опровергает только два, третий признак – “благородство” – остается неопровергнутым. Благородство языка Данте понимает как его устойчивость, сопротивление изменениям, то есть “порче”.

Convivio I, V, 6-8.

Перевод В. Эрн

Пер. А. Габричевского

Dunque, a fuggire questa disordinazione, conviene questo comento, che è fatto in vece di servo a le'nfrascritte canzoni, esser subietto a quelle in ciascuna sua condizione ed conoscente del bisogno del suo signore e a lui obediante. Le quali disposizioni tutte li mancavano, se latino e non volgare fosse stato, poi che le canzoni sono volgari. Ché, primamente, non era subietto ma sovrano, e per nobiltà e per virtù e per bellezza. Per nobiltà, perché lo latino è

Посему дабы избежать подобного не порядка, надлежит настоящему истолкованию, созданному для служения раньше написанным канцонам, на ходиться у них в безусловном подчинении; надлежит также ему знать нужды тех, кому он служит и, наконец, надлежит ему быть послушным. Всех этих качеств совершенно лишено было бы истолкование, написанное на латинском языке, а не народном, ибо канцоны написаны

Итак, во избежание беспорядка нужен комментарий, который в качестве слуги нижеследующих канцон должен им подчиняться в любых обстоятельствах, понимая потребности своего хозяина. Всех этих качеств он был бы лишен, будь он написан по-латыни, а не на народном языке, так как канцоны сложены на языке народном. Он был также неподчиненным, а господствовал бы благодаря своему благородству, достоинству и красоте. Благодаря бла

³³ И. Н. Голенищев-Кутузов. Поэтика Данте // Данте Алигьери. Малые произведения, с. 455.

perpetuo e non corruttibile, e lo volgare è non stabile e corruttibile. Onde vedemo ne le scritture antiche de le comedie e tragedie latine, che non possono transmutare, quello medesimo che oggi avemo; che non avviene del volgare, lo quale a piacimento artificiato si transmuta

по-народному. Если бы оно было написано по латыни, оно, во-первых, не служило бы, а господствовало и по благородству, и по силе, и по красоте: по благородству, ибо латинский язык постоянен и не подлежит порче. Посему видим мы в писаниях древних комедий и трагедий латинских, кои не могут быть изменены, тот самый латинский язык, коим мы и теперь пользуемся; чего нельзя сказать о народной речи, подлежащей изменениям по произволу.

городству – поскольку латинский язык неизменен и не подвержен порче, народный же неустойчив и подвержен порче. Поэтому мы и видим в комедиях и трагедиях, написанных в древности и неизменных, тот же латинский язык, каким владеем и ныне; не так с языком народным, который следует прихоти, а также искусству им пользующихся, изменяется

Устойчивость здесь проверяется благодаря наличию древних текстов, но при этом признак “устойчивость” применяется не только к языку, но и к самим этим текстам (возможно в противоположность текстам фольклорным). Народный же язык изменчив, что видно на примере эволюции его лексического состава. Русский перевод последней фразы 8-го стиха воспроизводит не столько текст Данте, сколько традиционный комментарий, у Данте сказано просто, что язык изменяется “a piacimento artificato”. Это, видимо, калька лат. *ad placitum* – “по усмотрению”, то есть по “усмотрению (и) искусству (пользующихся им)” или же буквально по усмотрению искусства, во всяком случае речь здесь идет о влиянии на язык воли носителей этого языка”.³⁴ Эта краткая и ёмкая формула и вынесена в заглавие нашей публикации.

Сравнивая исходный текст и два его перевода, можно заметить, что в архаизированном на манер XVIII века переводе Эрнэ эта формула растворяется, в отличие от модернизированного пересказа Габричевского, в

³⁴ Л. Г. Степанова. Итальянская лингвистическая мысль XIV-XVI веков. СПб. 2000, с. 500.

котором он искусно выявлен. На этом примере можно высказать сомнение в правильности лексико-стилистического выбора Эрна, при котором юному и упругому итальянскому языку (вольгаре) Данте сопоставлен тяжеловесно-вялый стиль докарамзинского русского перевода. Очевидно, что в историческом пространстве русского языка создателю итальянского языка соответствует только Пушкин. Следовательно первоначально Эрн избрал верный стилистический регистр, в переводе следовало использовать новый язык золотого века русской литературы, противопоставляющий себя церковно-славянскому, будучи в тоже время его преемником.³⁵ В целом же перевод Эрна точен и по-своему выразителен.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Эрн Владимир Францевич (1882-1917) родился 5. 08. 1882 в Тифлисе в семье армейского аптекаря Франца Карловича Эрна, шведа по происхождению, и Ольги Павловны Райской, происходившей из польской обрусевшей семьи. (По другим сведениям Владимир был сыном О. Райской от первого брака с Г. Арефьевым. Овдовев в 1883 г., О. Райская через год вышла замуж за Франца Эрна, который усыновил Владимира и дал ему свое отчество и фамилию. В. Волков, М. Куликова. В. Ф. Эрн: Новые документы и материалы // Начала № 3. М. 1993, с. 36-39). В. Эрн с отличием окончил Вторую Тифлисскую гимназию, где его одноклассниками были П. А. Флоренский, А. В. Ельчанинов, Г. Церетели. В 1900 вместе с П. Флоренским поступает в Московский Императорский Университет на историко-филологический факультет (Флоренский поступает на физико-математический ф-т), который заканчивает с отличием и в 1904 г. оставляется при кафедре Всеобщей истории для подготовки и защиты магистерской диссертации по истории гносеологических учений в западно-европейской философии. С ранних лет углубленно изучал античную культуру и в особенности философию Платона, оставив неоконченный труд "Верхнее постижение Платона". Его учителями были профессора С. Н. Трубецкой, С. А. Котляревский, П. Г. Виноградов. В 1909 году женится на дочери отставного полковника Евгении Векиловой. В период первой русской революции (1905-07) вместе с В. Свенцицким, А. Ельчаниновым и П. Флоренским основывает политическую партию "Христианское братство борьбы", составляет его программу и серию манифестов, нелегально распространявшихся в рабочей среде, за что подвергается судебному преследованию со стороны властей. Эта хри-

³⁵ Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI-XVI вв.). Москва 2002, с. 512.

стианско-социалистическая партия, не исключавшая насилие как средство политической борьбы, ставила своей целью идейную подготовку преобразования России на основах “христианской общественности”, на принципах соборности, любви, свободы личности, коллективизма церковной общины. Одна из первых работ Эрнэ – “Христианское отношение к собственности”, где автор выступает как приверженец христианского социализма. По причине своей малочисленности “Христианское братство борьбы” не оказала серьезного влияния на политическую обстановку в стране. В тот же период организует серию изданий под общим названием “Религиозно-общественная библиотека”, журналы “Век”, “Вопросы религии” и другие, где публикует собственные статьи христианско-социальной направленности (“Социализм и проблема свободы”, “Идея катастрофического прогресса”) и привлекает таких известных авторов, как С. Булгаков, Н. Бердяев, А. Глинка-Волжский. В ноябре 1905 В. Эрн наряду с М. К. Морозовой, кн. Евг. Н. Трубецким, Н. А. Бердяевым, С. Н. Булгаковым, С. А. Котляревским, Л. М. Лопатиным, Г. А. Рачинским, А. В. Ельчаниновым, В. П. Свенцицким, П. А. Флоренским становится соучредителем “Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева”, в котором объединились духовно-интеллектуальная элита Москвы для совместных поисков религиозно-философских путей духовного преобразования России. В 1912-13 гг. университет направляет Эрнэ в научную командировку в Италию для сбора материала и написания магистерской диссертации “Розмини и его теория знания”. Здесь он знакомится и сближается с католическим священником Аурелио Пальмьери, исключенным из августинского ордена за приверженность модернистскому течению в католицизме (кроме того, за вступление в тайный брак). Пальмьери уже давно интересовался восточным христианством, переводил на латынь литургические и богословские творения восточных отцов. Еще раньше Пальмьери под псевдонимом уже начал сотрудничать в русской христианско-социалистической печати. Здесь же в Риме жил в этот период Вяч. Иванов с семьей. Вот как вспоминает Лидия Иванова это время: “В Риме каждый день аккуратно после завтрака, часа в два являлся к нам Эрн, и начинались между ним и Вячеславом интереснейшие дискуссии, длившиеся до вечера. Главной темой римских разговоров была апология католичества со стороны моего отца, апология православия со стороны Эрнэ” (Лидия Иванова. Книга об отце. Подготовка текста и комментарий Джона Мальмстада. Париж 1990, с. 51). Вернувшись в Москву, Эрнэ в 1914 году защищает магистерскую диссертацию. Вскоре он принимается за докторскую диссертацию “Философия Джоберти”, которую представляет к защите в 1916 году. Однако соискатель не дожидаясь защиты четыре дня, скончавшись от хронической болезни почек 11.05.1917. По оценке историка русской философии “у Эрнэ было большое философское чутье, бесспорное дарование и, проживи он долее, можно было бы быть уверенным, что он мог создать своеобразную систему. Но Эрнэ очень мешала пылкость его характера, – в философии он нередко становился публицистом, что очень понижало его философскую проницательность” (Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 2, Ч. 2, с. 228).

